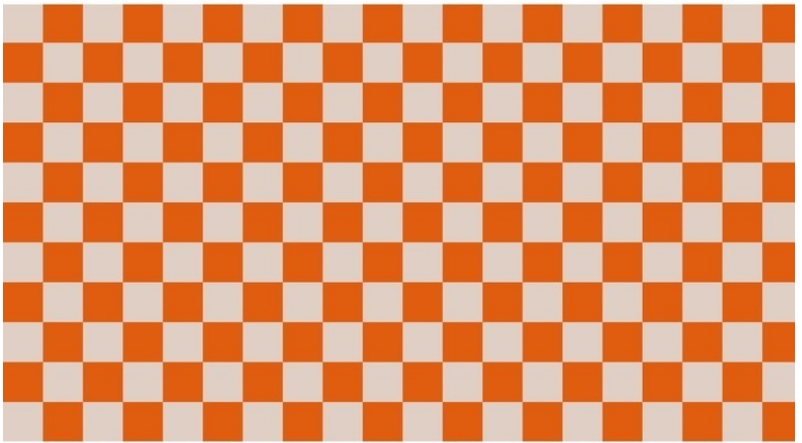

Ян Гомори

АППЕТИТ

Ян Гомори

АППЕТИТ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21993138

ISBN 9785448334030

Аннотация

Поговаривают, что свои произведения Гомори пишет прямо на стенах собственной квартиры. Данные тексты собраны родственниками и друзьями автора и помещены в данную книгу с его согласия. Публикуется впервые.

Содержание

Аперитив. Воскресный Пирожок	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Аппетит

Ян Гомори

© Ян Гомори, 2016

ISBN 978-5-4483-3403-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аперитив. Воскресный Пирожок

Марья Степановна, дородная и носатая баба, была устроена почти так же, как курица-несушка.

Правда, замест яиц Марья Степановна производила в этот мир пирожки.

Они аккуратно укладывались на стальной поднос, как трупики, её старыми руками со вздутыми венками. Усы соседей и соседок вожделенно дрожали каждое утро, и предвкушение копошилось в любопытных животах.

По понедельникам из пышных недр Марьи Степановны лезли на свет божий пирожки с луком, по вторникам – с картошкой, в среду и четверг – с яблоками, в пятницу пирожки были с мясом, и, наконец, по выходным их не урождалось вообще, и, по-слоновьи спокойная, Марья Степановна молча пила чай в одиночестве, слушая какую-то монотонную дребедень по радио.

В воскресенье, кажется, это было в октябре, аккурат в полночь к спавшей Марье Степановне заявился сосед её Иван Петрович. Был он взъерошен, правый глаз нервно дергался. Пара лопнувших капилляров то сужалась, то топорщилась,

как вылезшие нитки. Протянув к скрипучей двери кастрюльку с пористым разбухающим тестом, он испуганно посмотрел перед собой:

– У меня жена с брюхом... Приспичило ей, среди ночи. Наделай пирожков, а? Дорого возьму, честное слово.

И поставил кастрюльку на облупившийся порожек. Та чуть взвизгнула, и тесто испуганно дрогнуло, как белоснежный живот какой-нибудь молодой, толстой и стыдливой барышни.

Марья Степановна с минуту таращила глаза; щёки её всё больше краснели, и, когда, наконец, злоба захлестнула всё её существо, она по-истуканьи вдохнула огромной грудью, вскинула лохматые брови...

– Да срать я хотела на ваши пирожки! – гаркнула она, злобно сверкая болотными глазами и шмыгая бородавкой на носу. Задрав свой юбочный парашют, она повернулась к побледневшему Ивану Петровичу задом. Панталоны безжизненно упали. Мучнистого цвета рыхлый зад повис над кастрюлькой, и в распухающее тесто звонко повалились один за другим, со шлепками, пирожки.

Иван Петрович в истерике сиганул на лестничный пролёт,

заугловали его тощие коленки... За миг до этого он успел подумать, что прыгает в какую-то беспросветную клоаку...

Грязный и побитый, он влетел в свою квартиру и, ухватив со стола тарелку со вчерашним пирожком, улетел в парадную. Ксенечка, жена его, по-детски глазела на колыхавшуюся ещё дверь, и лицо её было таким же круглым и пустым, как необъятный шар-живот с раздувшейся пуповинной ямкой. Сама Ксенечка была невероятно тощей, как наркоманка. Больше всего на свете она любила смотреть на себя, на собственные телодвижения в зеркале; каждый день она начищала его утром, в обед и ужин – это придавало Ксенечке уверенности в реальности собственного существования. Зеркало было установлено так, чтобы возможно было взором охватить всю кровать с её небольшой шириной.

Ксенечка с детства верила в бога, обожая его всеми фибрами своей маленькой и простой души. Серые её глазёнки часто были обращены к массивному старинному образу, подвешенному в углу ровно над подушкой.

Когда Иван Петрович вернулся, он увидел безжизненно распластавшуюся на кровати Ксенечку.

Икона, сорвавшись с крючка, рухнула ей на голову.

Удивлённо раскинув бледные с синими прожилками ру-

чонки, Ксенечка застыла в судорожном, испуганном вдохе, застрывшем где-то меж вздыбившихся рёбер.

Впиваясь в мёртвое белое личико, окровавленные осколки отражали расколотую на части комнатушку, блёклую и пустую.

А Марья Степановна так и стояла, обратив задницу к черным дверям чужих квартир, и почему-то выла волком. Плач её эхом катился по пустым зеленоватым стенам, смешиваясь с безумным хохотом Ивана Петровича.

Перетащив труп своей жены на кухонный стол, он дрожащими пальцами стащил с костлявых плеч ночную рубашку...

Ухватившись за нож, Иван Петрович застыл перед поси-невшим брюхом с проступившими прожилками вен.

Воспалённое сознание рисовало картины одна страшней другой: вот он, Иван Петрович, могучими своими пятернями давит на мёртвый живот так, будто делая массаж сердца; в брюхе что-то, лопнув, хрустит, но не выходит, и живот лишь раздувается – чёрт пойми от чего; руки Ивана Петровича дрожат, но, пуще сатанея от страха, давят, давят... И вдруг Ксенечка приподнимает голову и кричит от боли.

Иван Петрович зажмурился и со всего маха вонзил огромный нож в лиловый, отрупевший шар.

И успокоилось его сознание.

К четырём часам утра он был пьян вдрызг, и оттого безмятежен. Завёл магнитофон, пел песни, курил.

На рассвете поставил на плиту огромную алюминиевую кастрюлю, в которой варил вытащенную из тяжелой рамы икону вместе с синюшной курятиной неясного происхождения, найденной в морозилке. Пообедал.

В полдень он, раскачиваясь взад-вперед, уже рассказывал главврачу психиатрической лечебницы про соседку и её пирожки, про брюхатую жену, про суп из иконы.

Заслышав про Ксенечку, главврач просиял и погладил Ивана Петровича по взъерошенной макушке.

– Жена ваша уже ждёт вас, голубчик. Пойдёмте. Не будем заставлять её ждать.

Иван Петрович побледнел.

– Никуда я не пойду, – мотнул он потной головой. – Я

помирать пока не собираюсь. Сами, сами.

Главврач цокал языком, вжимаясь массивными челюстями в шею, отчего казалось, что подбородков у него три штуки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.